538
Т40
403

О ОБРАЗОВАНІЮ

ЯЗЫКА РУСКОГО

через

Свящ. Іос. Лозиньского.

АЛЕКСАНДРЪ
БОЛКОВСКІЙ

В ПЕРЕМЫШЛИ,
в Книго-Печатни рускаго сов. Крилоса
1849.

Государственная публичная
историческая
библиотека РСФСР
371413

Тчо-
403

О образованю языка рѣкого.

Хотячи о образованю языка рѣкого правити, належаловы сѧ̈мнѣти де що и о причинах, про которїи вѡ̑н так занедбаный и пониженый быв, же сѧ тепер образованим назвати не може. Но випроваджати на тав рѣчи, по которых рани еще не заговеный, которїивы ено гирши сердца розаровали, а которїи стакшися раз, вильши не бывшими статися не могѣт, вылобы без корѣсти а не без болѣзни; тое ено на потѣхѣ нашѣ сказати можна, же народ̑ наш не про свою недбалѡ̑сть, але так исторїа свѣдчит, через бутиск оумрившого его народа на тое зѡ̑йшов, же его язык через кильканост лѣт быв без оуправы. Тепер коли ведлы конститѹцїи и нам наш язык завеспеченый зѡ̑став, замнѣло нам сонце лѣчшои надѣи и радибысьмо язык наш ви-

образовати. Але вѣд чогож залежит образованье языка?... Поки язык вѣде виключеным вѣд шкôл, урядив и сѣдив, допоти не прїйде ани во в с е о б щ о е и п о ч е с т н о е уживанье, ани не вѣде мав способ виобразовати;одже то ест перша и головна вимѣнка (conditio) образована языка нашого. Я кто нашого языка до шкôл, урядив и сѣдив допѣстити не хоче, той мѣ видерае першѣ и найестественнѣйшѣ вимѣнкѣ его жита и образована, той его завїйцьок. Таже каждый язык быв з початкѣ необразованым, чи анґлїйскій, чи францѣзкій, чи нѣмецкій; а прецѣ з тои причины не вѣдеѣджовано их вѣд шкôл и урядив; вôйшли вони там необразованы, а там допѣро зачалиа образовати, и тепер стоят на найвыжшим стѣпени. Одже кто нам вѣдмавлае права впровадити язык наш до шкôл и урядив, той нас навѣт п р ї й д ѣ ч о с т и позбавлае! Школы и урады не сѣт ено для выжшои класы людїй, або для такого образованого але народови чѣджого языка, ено для загалѣ или для вилшости народа, и его родимого языка. Чи мôг быв язык российскій не мавшій жаднои прежньои в л а с н о и писменности (лѣтератѣры) так скоро выобразоватиа, еслибы быв не вôйшов в

школы и оурядн, словом во всеобщое и почестное оужиканье? Але на тим не конец, же язык наш вôйде в школы и оурядн; тим вôн еще не станеть образованим, ено подастмôть найлѣпша и не обходима способность до образованя. Само образованье потребе вильши час и тое не дастть вѣд раз здѣлати, бо натôра не терпит скокь. Кто вѣдразь з нашого языка радвы образованый мати, той подôбный томь, шовы хотѣк овоци перед цвѣтом шибати. И шож такïи нетерпливык дѣлают? Едныи чипаютть российского языка, но тим прислôги своимь народови не дѣлают. Наша лѣтература протое збожила, же рôзкïи таланта в польским, российским або нѣмецкимъ писали и пишôт языцѣ, а не в своим власным. Дрôгïи берôт и слова и формы вôдь з церковного, вôдь з российского нарѣчïа и без всякого примѣрена творят такïись язык новый, которим еще никто не говорив и маôть никто говорѣти не вôде. Така мѣшанина не прïйметь в народѣ, й не поможе до образованя языка ено затамôе постôп его. Мôй Боже! так много є живучих и до того образованых языкик и нарѣчïй, же годѣй человѣкь их вивчити, хотьвы то не было без корѣсти для него, а по шожть творѣти еще

такъ амальгамъ до ничого не придатнъ, народови не зрозумѣлъ и баламутячъ славнїи таланта, що других наслѣдовати звыкли? Читаючи таков мѣшанинов писаныи рѣчи, видит нами, же чуемо рекрута, щото не давно до войска взатый а еднако таки язык поломав, же якимсь новим, не бывшим и не вздячим языком говорит. И щож бракує нашомъ языкови, чи доправды вонъ до ничого не придатный? Ой то неправда! Наш язык є красный и до всѣхъ оумственностей здобный, ено мъ двох рѣчїй бракує т. є. одностайности в оуживаню никоторых словъ и в правописѣ, и богатшои лѣтературы. На едно и другое треба бильши часъ и працѣ. Переходъ зъ твердого снъ до тяжкои працѣ не може быти без ваганя, без збочена, цофана, без закрутъ; але тимсь не зражаймо, же розмантостъ в тим взгладѣ заходит, бо с часом з розмантости вирости красна и оузгадненa одностайностъ. В Бозѣ надѣя, же мы при Его помочи всього докажемо, най ено никто своего таланту не закопує и не оуживає на чуджїй язык; а кто пише, найже памятає же для народа пише, найжесь держитего бесѣды и правописом до нѣи найсь зближит, най

покине шкôльнъ педантерїю и не накидѣ ей без потребы вôльномъ народови! . . .

По тих оувагах пристôпѣм до ближших вимѣнок, вѣд которих образованье язъика залежит. Першов таков вимѣнков образована язъика ест богацтво слôв и форм; абы быв способный всѣ наши мисли, вображима и чôвства, всѣ их тѣньована и стôпнѣ ясно ѣдиным виразити словом. Але мысль людска є вôтна, нескôнчена, неограничена скорша вѣд промена свѣтла, свободна не знаюча границь ни часъ ни мѣста; тôй вôмла на цвѣтах Америки, тôй вже виєднлася стрѣлою на ледовый верх Монблянкъ, тепер опъскае землю а взлѣтае на небо, а вѣдтам спъскаеся в безодно пекла, тои хвилѣ дôмае над материїов и ей атомами, а зараз запѣскаеся в тайни свѣта невидимого и приєдваеся до самого Божества. Хвилька часъ достаточна, абы обмла в мôць свою небо и землю, абы перелетѣла цѣлый час минôвшїй, теперѣшный и вôдбщїй. О мысль людска є щось так незбаданое якъ сам дôх, которїй ю родит. И котораж бесѣда є достаточна виразити тое всьо словом, що мислимо и чôємо ва всѣ тѣньо.

вана нашои мисли? Нема языка, которыйбы вѣд разѣ мак тилько знакив (слѡ̂в), много виображень и чѣветв, много мислей перевбаем на днѣ дѣха людского. Такого богацтва язык допѣро зъ часом набыти може. Которих виображинь дѣша через смисли набыла, о тих мислити можемо и без слова через образи тих рѣчїй, припоминаючии их; але такое мисленье не скорое и темное, бо памать не въсилѣ весь тое вѣрно и дѣхом повернѣти, що пѣд смислами было; але если каждое виображинье или чѣветво мае свѡ̂й знак словный, свое имя, тогды вѣде мисленье ясное и скорое, бо каждое слово мае свое певное и ограниченое значинье и мисленье чрез слова довгого часѣ не потребѣе. Еще темнѣйшое былобы мисленье без слѡ̂в о понятїах розмаитих н. п. о часѣ, мѣци, справедливости, добротѣ; або о таких естествах, которих через смисли помти не можемо н. п. о Бозѣ, дѣши, ангелах и. п. Допѣро через слово оутѣлеснеем мысль, привязѣем до вещественои (realnoi) пѣдставы, стаем чимсь живим и сѡществленым; такое мисленье через слова вѣде ясное, со свѣдомоттев полѣченое и скорое. И пѣд взглядом богацтва слѡ̂в и форм оказѣем рѡ̂жница межи образованими и необразованими языками.

Нарôд необразованый, провадячій житье матеріальное має язык достаточный на свое житье и его потребы, але пѣд взглядом жита дôховного окажеся язык его убогим и недостаточным. Кракôе мôж слôв на понятïа вѣдтягненыи (abstracta), кракôе мôж виразив на понятïа умственныи и на ново-вѣдкритыи або ново-вынайденыи рѣчи. Вôн знае назвати, що бѣле або зелене, доброе або злое, красне або мерзкое ест, але не уживае слôв зеленôсть або бѣлôсть, доброта або злоба, красота або мерзостъ; вôн не потребовав знати, що то Мôдролюбïе або Богословïе, що то Гисторïа, Арïтметика, Фïзика або Ботанѣка; що то понятïе, сôд, силлогизм, або дïлъемма; вôн не чôв о тим, що то Магнетизм, Дагерротипïа, Хлороформ, паровôз и т. п. р. На тое всьо недостае слôв необразованомôж народови, але нарôд образованый має на то выразы, котрыи або з кореней власного языка потворив (и такïи сôт найлѣпшïи бо вôдôт для загалôв лацно зрозумѣлыми), або зъ побратимчих нарѣчïй або и инних чôджих языкив побрав, а которïи потомôж через довше уживанье набывают права обывательства и в своим языцѣ.

Одже пѣд взглядом богацтва, язык наш иным не оустѫпае, хиба же никоторїи слова новыи ещем не оуповсюдили и в общое не войшли оуживанье. Але що до форм, то наш язык богатшїй вѣд иных. Так мае для Имен головных и слов прилагателных сем припадкив. Слова часовыи (глаголы) сѫт однократныи и повтаряючїи, доконаныи и недоконаныи, и тїи взглады выражаютем змѣною самого слова, що иныи языки аж через опитанье (circumscriptio) або за помочев иных слов дѣлают н. п. сѣдав, сѣк, сѣдѣв; лѣгав, лѣг, лежав *) и которыйже язык выразит тїи понатїа так коротко? Опѫканье мѣстоименїй личних (я, ты, вон, мы, и д.) а застѫпованье их через додатки до глагола в часѣ минѫвшим (робив-ем, робив-еш, робилисьмо), помнажае також формы слов часових и надае языкови нашомѫ многократнѫ гибкость (нагинальность). Самое значинье слов повильшаем або поменьшаем, такжей приемнѣйшое або мерзостнѣйшое дѣлаем через додатки кончикив до слова н. п. хлопец, хлопчик, хлопчина, хлопчиско, (хлоп); дѣв.

*) Прошѫ тїи слова в нѣмецким языцѣ выразити, а внет покажем рожница.

ча, дѣвчатко, дѣвчатинко, (дѣвка); Ивасьо, Ванько, Иванище, Иванинко (Иван); Марина, Маринонька, Марѣна, Марѣшка, Марининко (Марина); бабѣна, бабка, бабище, бабинко (баба); коник, конина, конище, конинко (кôнь). Так и слова часовыи значинье свое поменьшити могѣт. н. п. ѣтоньки, летѣтоньки, спатоньки. Стѣпенѣ имен прилагателных ни ено звикаим оу нинх газыкнѣ способом выражаютса, але еще дальшое тѣньованье чѣрез зарôбнѣлыи формы означают, н. п. бѣлый, вѣленькїй, вѣльшїй, вѣлѣсенькїй, найвѣльшїй, сивый сивенькїй, сившїй, сивѣсенькїй, найсившїй; молодый, молоденькїй, молодшїй, молодѣсенькїй, наймолодшїй. Ано зпривѣйте инным таким газыком тое всьо выразити!

Впрочим що за свобода в порядкованю слôв в посадах (Sätze) и в періодах в нашим газыцѣ!

Чи ма скажѣ: Мôй брат даровав ми книжкѣ,
чи: Книжкѣ даровав ми брат мôй
(Ein Buch hat geschenkt mir Bruder mein)
чи: Брат мôй книжкѣ ми даровав
(Bruder mein ein Buch mir hat geschenkt)
чи: Даровав ми книжкѣ мôй брат
(Hat geschenkt mir ein Buch mein Bruder)

всьо вѣде гараздъ, але такоѣ своводоѣ не тѣшитьѣ нѣмецкїй ѣзыкъ.

Одѣето що до богацта слѡ̂въ и форм наш ѣзыкъ жадномѡ не оустѡпае; то ено вѣда, же ще не вѣдкрытыи всѣ богацтва его. Трано прислѡховатиѣ бесѣдѣ нашого простого народа, а там найдемо много власных слѡ̂въ, которих его Оученїи не оуживают. Так н. п. слѡ̂въ: напрасѣкъ, хижа, пѡть, зпиникъ, зцѣпенѣкъ, толковакъ, стремит и и. оуживае наш люд простый, а намѣ видит, што з инного нарѣчїа браныи. Дла того тра зберати пригадки, пѣсни и казки народа нашого, а там вѣдчиннитьѣ невичерпаное жерело слѡ̂въ и форм свойских. Так н. п. скорочена мѡт вмѣсто имѡт; ме вмѣсто мае такжей перехѡ̂д и на й (j) н. п. та йде (ta jde) вмѣсто та иде в пѣснах народных ѣавно внетѡпают.

Дрѡгаѣ вимѣнка образованѣ ѣзыка ест чистота слѡ̂въ и форм, котора на тим залежит, авы ено емѡ свойственних слѡ̂въ и форм оуживати. Напротиѣ того грѣшат писателѣ в початках образованѣ ѣзыка найгвѣтѣйше. При починаючимѣ тепер розвиваню писменности нашои, не пише люд простый, который кром свого инного ѣзыка не знае, але оученыи его, которїи досконалшїи

сѣт в чѣджих як в своим власным язычѣ, а вѣдтый походит, же вони вѣдьто не знаючи чистых слôв и форм, вѣдьто видячи якись вижшїй стиль в оуживаню иннонарѣчїйних слôв и форм, а вѣдьто з прихильности ко едномѣ або дрѣгомѣ нарѣчїю оуживают слôв и форм его. Но тим способом гине чистôсть языка; писма такїи стаютъ незрозмѣлими народови и тамѣют весь постѣп. Такїй язык есть воздѣшный и не мае пѣдставы в народѣ, а же не мае фѣндаментѣ, то и оудержатися не може. Посмотрѣмъ на язык полскїй; в початках свого образованя хилився ко нарѣчїю ческомѣ; вѣд рокѣ 1621 залами гомаконѣзми т. е. тое переплѣтанье латинъскими словами, що то през чпôв вѣка правѣ казило его чистотѣ и смак народа, и з которих допѣро в дрѣгôй половинѣ 18 вѣка зачався очищати. Але потомѣ через толкованье книг францѣзких набрав знокѣ чѣджоземного крою.

Корѣстаймож и мы з чѣджон долѣ, и стережимся казити чистотѣ языка нашого. Так оуживают никоторїи писателѣ слѣдѣющих старословеньских або российских слôв: жалованье (заплата), свѣдительство (свѣдоцтво), оучрежденїе (оустановленье), юнôсть (мо-

лодо́сть), семейство (родина); обученіе (навченье), иждивеніе (видаток), соблюденіе (захованье), извѣстіе (вѣсть), окрестность (околичность), иго (ярмо), цѣпи (окови), рѣч (бесѣда); древній (давный), нарóжный (поверхный), жестокій (окрóтный), извѣстный (свѣдомый), опасный (небезпечный); обратить (обернóти), подчинити (пѣддати), наказати (укарати), жег (паливъ), касатися (дотикатися), препатьствовать (перепинати), повелѣти (наказати), пострадать (терпѣти), имѣл (мавъ), посѣщати (огледати), обрѣтать (найти), разрóшати (зобрѣти), построити (побудовати), искати (гледати), питати (кормити), опасаясь (бойчися), колько стоит (по чомбѣ платит), повиноватися (послóшати), почти (правѣ adverb.), даже (навѣть), убо (одже), ибо (бо), откóда (вѣдкій), вмѣстѣ (разом) и т. д.

Никоторіи з тих слóв совѣм для нашого народа незрозумѣлыи, которій мае на то свои власныи; инныи могóт перемѣнити совѣм мысль писателя, бо наш народ инныи с ними лóчит, або лóчити може воображина, н. п. жалованье (пожалѣнье), окрестность (мѣстце около креста), цѣпи (до молочена), рѣч (вещ не бесѣда), древній (деревяный), о-

пѣный (щось випає), подчинити (зброже), наказати (приказати а не укарати), касатися (пѣдкасатися), повелѣти (позволити), пострадати (зтратити а не терпѣти), обрѣтать (обертати), разрушити (розрушати а не звърити), построити (убратися красно а не вдѣвати), искати (око по головѣ а не загально гледати), питати (запитати не кормити), опасаюсь (опасаюся), стоит (на ногах, не як платится), почти (урад листовый), даже (таже), в мѣстѣ (в городѣ), и д. Порѣвнаймож тое значинье со значиньом, в яким их писателѣ уживают (як въ перед выказано), а переквѣчимося, до чого така нечистота допровадити може.

Инныи писателѣ не могутся остерещи вѣд польонизмив, хоть вѣд тих щораз чистѣйша робится наша бесѣда, н. п. уживают: вонтпливост (сомнѣнье), вьенкшій, тлумачити (толковати), завше (все, всегда), вьенц (одже), зась, волати (кликати), криж (крест) и д.

Такжей и чуджих форм уживают писателѣ наши, не скажу вже о скороченю неозначеного способу (infinitivi) з ти на ть н. п. дѣлать, возить, ако о скороченю ем на ешь н. п. любивешь, вомлаешь; которіи вправдѣ з российского нарѣчія походят, но уже и оу нашого на-

шого народа на россійскôй сторонѣ пріймлем и права обывательства нашого набыли; але тѳ почислю:

1). Закôньченье а перв. припадкѳ числа множ. имен прилагателных в женьским и нїмким родѣ н. п. чорным коровы, высокїа дерева, коли прецѣ всюда ѳ нас кажѳт: чорныи коровы, високїи дерева.

2). Дѣепричастїа на а або в, которых форм оу нас нема н. п. дѣлаа, обытаа, имѣа вмѣсто: дѣлаючи, обытаючи, маючи, такжей: быв, порѣчив, вмѣсто: бывши, порѣчивши.

3). Закôнчена: ельный, енный, ечекїй имен прилагателных н. п.

незначительный	вмѣсто:	незначный
божественный	„	божїй
сосѣдственный	„	сосѣдный
особенный	„	осôбный
обыкновенный	„	звыклый
человѣческій	„	человѣчїй
историческій	„	гїсторїйный (вѣд гїсторїа) (так як бїблїйный вѣд бїблїа)
политическій	„	политичный
етимологїческій	„	етимологїйный.

Нашъ язык и так розтягненый, же кажда согласна свою самогласнѳ мае н. п.

голова (глава), дерево (древо), дорогїй (драгїй), великїй (велїй); по щожтъ еще тїи довгїи и емъ чъджїи формы на ельный, енный або еческїй впровадзовати? З тои причины радивбым и закôньченье енїе ено в тих словах затримати, которїи вже рѣким обычательством обдареный сѣт н. п. спасенїе, просвѣщенїе, милосердїе, або где того еѣфонїа вымагае н. п. понатїе, розпатїе.

Тѣ належат такжей довшїи формы: дѣйствовати (дѣлати), свѣдительствовати (свѣдчити), рождество (рôдство).

4). Грѣшат також напротив чистоти языка, которїи з винатковыхъ форм правильный творат, и едних с дрѣгими посполѣ оужиkают, н. п. раз пишѣт: дѣлаемо, дѣлае дрѣгїй раз: дѣлаем, дѣлает, дѣлат. Винатки ено в и н а т к о в о и то ено в п о т р е в ѣ оуживати можна, а в инших разах належит форм правильных оужывати. Таков мѣшанинов не збогатитем але зколотитем язык.

5). На остатѣ оужывают еще: гдѣ вмѣсто где (дѣ), вскорѣ вм. скоро, вполнѣ вм. повно.

Если творимо новыи слова, то тра им надати такїй склад, початок або конец, ко-

торїй свойственним нашомъ языкови формам вѣдповѣдае. Так н. п. творитем з молодый молодо̂сть (не младо̂сть), з храбрый хоробрїй, з читаный читанье (не читанїе), з писаный писанье (не писанїе), камени ти не изменити, розкидати не разкидати.

Я понеже не вѣк писателѣ о чисто̂сть языка дбают, прото наро̂д читаючи их писма, а не видячи в них своих власных сло̂в, и не чбючи в них своих власных звбкив, не розбмѣе их и охоты до набки такого языка не мае. Памятаю, же колим давнѣйши людам сельским читав розпорядженя гбернѣальныи рбским языком написаныи, то вони просили, бы им тое по польскъ перечитати. И вѣдкїйже тое походило? Ото, тїи декрета были перетолкованыи яковсь мѣшанинов а не рбским народным языком; были там слова и форми и з церковного и российского нарѣчїа, и прото их люди не розбмѣли. Если хочемо наш язык образовати, то заданьом нашим быти повинно, очальнати го з пѣд вплывъ польского, церковного, российского и нѣмецкого языка.

Однако при очищаню языка тра нам съосторожностев поступати, абы не всьо викидовати, що хоть з инного нарѣчїа або языка

походит, еднако вже довгимъ оу̂живаньом права рѣкого обывательства навыло, и нинним родимим словом не лацно еще дастем застѫпити. и п. Слова: пан, пановати, превелебный, и превелевїе, рок̂; чиж не лѣпшїи сѫт як российйскїи: господин, господствовати, преподобный, преподовїе, год? Также слова з нѣмецкого язика: ґрѫнт, чинш, коштѫе (платитем), мѫент, ґатѫнок, граница и и. не зараз еще дадѫтем свойственними застѫпити. Для того мѫсимо быти осторожними, абысьмо з едной крайности (extremum) не попали в дрѫг.

Трета вимѣнка образована язика ест красота бесѣды. Красота бесѣды залежит по части на ясным по части на пріемним вираженїю своих мислей. Головна вымѣнка красной бесѣды є правдѣ все крана мисль (идея), котора хоть простыми и поединчими вимавлена словами, еднако каждомѫ подобае и каждого займае. Возьмем на примѣр слова Марк. Кистина:" Оу̂цтивость (la vertu) ено прото оуцтивостев ест, же через люди надгородженов быти не може. Конабы оутратила зо своей доскональости, еслибы была забезпечена видѣтим всегда оцѣненою и надгородженою на земли; оуцтивость, которабы не сягала аж

до надъестественности, до взнесенности (au sublime) былавы несовершенною. Єлиbы не было злого а вѣдкїйже былиbы святыи? Борба є потрѣбна до звитазтва (побѣды), а звитазтво неволит Бога до вѣнчана витаза. Через тое зрѣлище оправдаєм Провѣдѣнїе, которое абы прилагодити небѣ довиваючихєм о него, терпит злобкана свѣта." (La Russe T. IV. p. 38, 39). Одже тот перїод красный ено красотою мыслей, а слова сбт простыи и поединчїи.

Но и розманитыи способы виражєнїя мыслей словами, причинаютєм много до красоты бесѣды. Тїи способы залежат на оуживаню тропик (tropi), фѣгбр, порбвнань, противностей, прикладик, пригадок и иных цвѣтик краснорѣчїя. Возьмѣм на примѣр тое предложенье: Ббдбєм вєѣми способами метити; тбтка через вичисленїе тих розличных способик, якобы через тѣнованье вѣд найблѣдшои до найтемнѣйшои барвы пѣдноситєм бесѣда до найвижшои красоты слѣдбющим способом:

Єли возьмеш тбю гидрб (зазарбсть, . .
На вѣдплат справы
И тигрие кровави,
Сердце ти видрб

В кѣски подѣлю
Крѣкам розстелю.
Ещем сказав не сила,
Если дѣша смертелна як тѣло,
И в пылвыем розплыла
Гнѣв мôй напрожѣ,
И твою дѣшѣ
В пыл розпорошѣ,
Быем нич не лишило!

(Дѣкар своей чести Камѣньского).

Що то сѣт тропи, фѣгѣры и инныи цвѣты краснорѣчïа, тое каждый зо шкôл знати вѣде, и прото тѣткаем опѣскают.

З того всього, що зказано виплывае же ближшими вимѣнками образована языка сѣт: богацтво и чистота слôв и форм, и красота в вираженïю мыслей.

Але наши противники кажѣт: Но, то хочете коньче той язык хлопскïй до стѣпена образованых языкив пѣднести? . . . . Так! хочемо и того за помочев Бога докажемо, и не цѣраемоем ни того языка хлопского, анн народа хлопского, которïй хоть вѣд зарозвмѣлих оупослѣдженый бывае, в Бога еднако для своих оуцтивостей и своей доброти покѣты инное мѣстце займае, як тое красно написав еден з найвильших Поетив нѣ-

мецких, вмѣшавшимъ межи люд простый: „Як много милости набравъем знов ко тôй камеѣ людїй, которѣ нижшою называют, а котора оу Бога певнѣ найвышша ест. Та то тѣтка всяка оуцтивôсть разомъ находит: Ограниченье (скромнôсть), задоволенье, правый смыел, вѣрнôсть, радôсть и з найменьшого добра, безжрвнôсть, терпливôсть, витрвалôсть" (Гете въ листѣ до Панѣ Штайн 1776).

О кобысьмося всѣ тов мислев перемли, алѣ того народа простого працьовали, его язъыка невѣдетѣпносъ держали; а з того народа вийдѣт таланта, котрыи хоть камеѣ вижшѣ своими дарами становити вѣдѣт, еднако вѣд простого народа не вѣдетѣпат, але его проводом, покровом и красотою вѣдѣт!

D2-61